

Фрагмент из романа

Jochen Schimmang

Neue Mitte.

Edition Nautilus

Verlag Lutz Schulenburg, Hamburg 2011

ISBN 978-3-89401-741-5

с. 1-22

Йохен Шимманг

Новая середина.

Перевод Татьяны Баскаковой

Зандер ждал меня возле торца первой руины. За гигантской оконной аркой партерного этажа высоко вымахала трава, которая всегда рано или поздно завладевает всеми брошенными зданиями, не останавливаясь даже перед бывшей резиденцией правительства. Зандер стоял в этих своеобразных воротах и дружелюбно мне улыбался. Мы с ним не виделись двенадцать или тринадцать лет, и меня поразило, что он кажется почти не постаревшим. Теперь ему сорок семь; светлый плащ он застегнул на все пуговицы, а воротник поднял, хотя сейчас только середина сентября. Вскоре я на себе почувствовал, отчего он так кутается. Здесь иногда налетает сильный порыв ветра, но стоит пройти несколько шагов, и опять попадаешь в недвижную воздушную среду.

Зандер подал мне руку и потянул меня в дом, точнее: в проход между оставшимися стенами. Нам понадобилось почти четверть часа, чтобы добраться до противоположного конца руины. В некоторых помещениях сохранилась кое-какая мебель: стулья, кресла, письменные столы – по большей части совершенно обветшавшие, покрытые плесенью. Другие предметы мебели новые жители забрали к себе и привели в порядок, рассказывал Зандер.

– У нас представлены почти все ремесла, – говорил он, – иначе мы вообще не могли бы существовать. От рухляди, которую ты видишь вокруг, мы скоро избавимся.

Кошки шныряли по тем комнатам, где раньше просители ждали, когда их пустят в кабинет. Теперешние жители хорошо обращаются с кошками, рассказывал Зандер, потому что нуждаются в них для защиты от крыс. Кошки – чуть ли не тайные богини этой территории.

На одной из стен все еще висел официальный портрет генерала. Каждый раз, проходя мимо, Зандер хотел снять его и бросить на кучу мусора, но потом, махнув на это дело рукой, шел дальше. Фотография сильно потемнела и слегка покорежилась, но все же генерал на ней был таким, каким его знал весь мир: голова в полупрофиль; короткие волосы разделены четким пробором; взгляд, который должен выражать одновременно решимость и доброту. Личному фотографу генерала в момент бегства правительства не удалось присоединиться к остальным, он был задержан. Его, правда, не поставили к стенке, а воспользовались его профессионализмом и услужливостью для создания новых официальных легенд.

От другого торца руины открывался вид на бессчетные малоэтажные

постройки, в которых прежде размещались канцелярии и комиссариаты. Только две башни, где хранились бумажные документы и электронные носители информации – узурпированные элитой знания, – были взорваны незадолго до бегства этой элиты. Поэтому теперь слева от нас вздымались две гигантские кучи обломков – за истекшее с той поры время присыпанные землей и отчасти озелененные.

Пространство между отдельными комплексами зданий занимали мусорные кучи и пустыри. Через год после бегства прежнего правительства опустевший центр власти начали поэтапно взрывать, но потом работа застопорилась: когда стало очевидно, что запланированный парк народных промыслов – невыгодная инвестиция. С тех пор не прекращались дискуссии о будущем использовании бывшего центра власти; составлялись экспертные заключения, учреждались комиссии; чиновники обращались за консультациями к историкам, специалистам по охране памятников и профессорам этики; а между тем, этот отломившийся и загнивающий кусок истории продолжал самопроизвольно разлагаться.

Первые дикие поселенцы появились здесь, когда бесконечные дебаты были в самом разгаре, – и мало-помалу завладели малоэтажками. Электропроводка была починена, важнейшие средства сообщения с внешним миром – восстановлены. Здесь постепенно обосновались: различные ремесленники, две фирмы, занимающиеся информационными технологиями, женщина-историк из Свободного университета, анархистская группа – живущая по принципу взаимопомощи, как его понимал Кропоткин, – и многие другие. Год назад сюда пригласили Зандера, чтобы он создал центральную библиотеку.

– С тех пор я больше не был снаружи, – сказал он. – Говоря *снаружи*, мы имеем в виду, что кто-то покинул нашу территорию через арку первой руины, где я тебя ждал.

– Но ведь продукты тебе приходится где-то покупать?

– Это раз в неделю делают за меня анархисты, – объяснил Зандер. – Они и для большинства других закупают все необходимое, заодно выполняя мелкие поручения, – для чего время от времени выбираются в большой мир. Мы же, в свою очередь, обеспечиваем их нужды.

– Применение кропоткинского принципа на практике...

– Можно сказать и так. Удивительно, как подумаешь, что прежде здесь царил государственный террор. Вон тот дом, например (он указал на длинное

здание слева от нас), где теперь располагается садоводство, прежде был *Центром допросов врагов государства*. В отличие от других диктаторских режимов, эти преступники не размещали машины уничтожения в каких-то отдаленных местах, а хотели иметь их непосредственно под рукой.

Из здания, о котором мы говорили, вышел невысокий старик, лет восьмидесяти с небольшим, в голубовато-сером рабочем халате и допотопном картузе на голове.

– А вот, наверное, и садовник, – вырвалось у меня. – Старший садовник.

– Верно, – подтвердил Зандер. – Впрочем, садовником он начал работать лишь год назад. Его фамилия Ритц. Тебе это что-то говорит?

– Я знаю только отель с таким названием в Париже; и еще один – в Вольфсбурге, – сказал я.

– Ритц несколько десятилетий проработал юридическим консультантом. Уж не знаю почему, но все крупные фирмы, многие корпорации и даже влиятельные политики пользовались его услугами. Он на этом сильно разбогател; он, определенно, самый богатый человек на нашей территории.

– Значит, у вас здесь тоже имеются *богатые* и *менее богатые*?

– Само собой. Болтовней об эгалитаризме не соблазнишь теперь даже анархистов. Анархисты хотят лишь, чтобы их жизнь не регламентировалась извне и чтобы у них был твердый заработок, – у нас они обрели и то, и другое. Ритц прибыл сюда за два года до меня. Потом в какой-то момент возникла идея озеленения нашей территории, начиная с руин обоих высотных домов. Тогда еще Ритц выступал в роли консультанта. Но он, знаешь ли, систематик: он так глубоко вник в проблематику садово-паркового искусства и ландшафтной архитектуры, что на позднем этапе жизни открыл свое подлинное призвание. Мы все надеемся, что он еще долго будет оставаться с нами. На другом конце нашей территории он разбил английский парк, а между малоэтажками кое-где устроил японские садики. Сейчас его главная задача – озеленить первую руину. Ты ведь видел: там все еще царит хаос. Мы же хотим в анфиладах и отдельных помещениях разбить маленькие сады, разные по стилю, а фасад в один прекрасный день полностью скроется за вьющимися растениями.

Ритц медленно шел нам навстречу; в руке он держал карандаш и записную книжечку в черном кожаном переплете, размером с нагрудный карман. В первый момент я почувствовал раздражение, когда он (после того как Зандер меня представил) заговорил на тягучем рейнском диалекте: это

был первый приступ тоски по городу, который я совсем недавно покинул.

– Большая ошибка, – сказал Ритц, пока мы продолжали идти в направлении библиотеки Зандера, существующей пока только как проект, которой отвели виллу, где раньше жил генерал, – большая ошибка – противопоставлять руинный ландшафт и саму руину, с одной стороны, гармонии и красоте, с другой. Задумайтесь, как наша территория выглядела во времена террора: система – закрытая, среди прочего, и в архитектурном плане, – которая служит исключительно поддержанию власти и обороне от всего, что этой власти угрожает. Система, можно сказать, *без пустот*, рассчитанная на вечность, – и она в самом деле казалась нам вечной. А продержалась она, между прочим, всего девять лет. Террор – в долгосрочной перспективе – всегда гибнет из-за собственных изъянов. Он задыхается: именно потому, что не имеет пустот и, соответственно, не может набрать запасы воздуха. Так вот: поскольку территория все еще наполовину состоит из руин, то есть остается открытой... – В этот момент из какого-то бокового прохода на нас налетел один из тех внезапных порывов ветра, о которых я уже говорил, и Ритцу пришлось повысить голос. – ...она сейчас может развернуть свои возможности. Только распад впервые делает ее по-настоящему богатой и помогает бутонам раскрыться. Если смотреть на вещи с чисто садоводческой точки зрения, мои услуги будут нужны здесь – как минимум – в течении ближайших пяти лет.

Мимо нас медленно прогромыхал автофургон, произведенный, судя по внешнему виду, не менее сорока лет назад. В кабине сидели два молодых человека, и один из них – напарник водителя – кивнул нам.

– Это анархисты, – пояснил Зандер, – они только что вернулись с продуктами и теперь развозят их по домам.

Дорога свернула в сторону. За очередным комплексом малоэтажек взгляду открылся бывший дом генерала, а позади него уже можно было различить первые деревья парка. Через несколько минут мы добрались до библиотеки, и тут Ритц распрощался с нами, поскольку хотел посетить свой парк, где еще одна группка анархистов занималась уборкой мусора.

Мы с Зандером поднялись по лестнице на второй этаж и из окна, выходящего на противоположную сторону, выглянули наружу. Под нами располагался приподнятый участок земли – почти круглый холм, – засаженный разными лиственными деревьями. Поскольку мы, вообще говоря, находились на плоской равнине, я спросил Зандера о происхождении холма.

– Под холмом скрывается старый бункер, – ответил он. – Бункер, само собой, примыкал непосредственно к дому генерала, чтобы тому не надо было далеко ходить. Ритц решил насыпать сверху холм, а круглую форму предпочел потому, что она напоминает о гуннских погребениях. Генерал, правда, пропал без вести, но форма холма выбрана как заклятье: будто генерал в самом деле покоится там внизу.

Тут кто-то сильно постучал в дверь подъезда, и Зандер пошел открывать. Я спустился по лестнице вслед за ним. Перед дверью стояли оба анархиста, молча кивнувшие на составленные одна на другую картонные коробки. Зандер радостно потер руки, повернулся ко мне и сказал:

– А вот и книги, целые коробки книг. За работу!

Я представлял себе, что в библиотеке будет беспорядок, если не хаос. Действительно, по углам лежали кучи еще не обработанных книг, однако на полках, которые закрывали стены до самого потолка и прерывались лишь высокими окнами, царил порядок. Все было надписано, разделено по тематике. Кое-какие подразделения казались уже окончательно заполненными. От Зандера я узнал, что библиотека должна открыться через полгода, хотя я-то исходил из того, что все здесь только начинается.

Зандера я знал со времен своего недолгого студенчества. Он тогда уже закончил учебу и работал в университетской библиотеке. Он был на двенадцать лет старше меня, и я познакомился с ним летом 2012 года, когда он, совершенно измученный, отдыхал на газоне перед Институтом германистики. Полицейские, наводившие порядок в институте, как раз удалились. В те дни глаза старших студентозусов – и особенно самых старших – сияли. Снова вспыхнули студенческие волнения! *Lotta continua! Unter dem Pflaster liegt der Strand! L'imagination au pouvoir*¹ Для меня все это были лозунги той поры, когда мое появление на свет еще даже не планировалось. Оно, впрочем, вообще не планировалось, но об этом позже.

Был солнечный день позднего июня: градусов, наверное, двадцать пять. Я наблюдал за волнениями внимательно, но и не без осторожности – с обочины, так сказать. После ухода полицейских повсюду на газоне расположились и обсуждали случившееся маленькие группы студентов, но поскольку сам я

---

1 «Борьба продолжается!» (итал.) – итальянская леворадикальная организация, созданная в Турине в 1969 г. и просуществовавшая до 1976-го. Вела агитацию среди рабочих и студентов. «Под мостовой скрывается пляж!» (нем.) и «Вся власть фантазии!» (франц.) – лозунги французского студенческого движения 1968 г.

проучился в университете лишь два с половиной месяца, я не считал себя вправе вмешиваться в дискуссии. Мне тогда едва исполнилось восемнадцать, и я очень мало понимал, что здесь происходит в последние недели. Зандер был единственным, кто сидел в полном одиночестве – на пледе, под липой, положив голову на колени, – и, возможно, дремал. Я поэтому мог спокойно расшифровать название книги, лежавшей возле него. Толстенный том; судя по названию, криминальный роман: «Смерть Хорхе Бургосского» Адама Мелька². Это мне ничего не говорило. Но тут Зандер поднял голову, взглянул на меня снизу вверх (в первый момент недоуменно), а потом улыбнулся и сказал:

– Присядь. Знаешь эту книгу?

– Нет, никогда не слышал. Я вообще не особенно начитан.

Это было не совсем верно. Можно даже сказать, что я солгал. В старших классах я был чуть ли не единственным, кто еще читал книги, без чьих-либо подсказок, совершенно дикарским образом, но зато – ночи напролет и с красными ушами. По этой причине я и решил потом изучать такие старомодные дисциплины, как германистика и философия. Но углубляться во всё это мне тогда не хотелось.

– Я читаю ее, – сказал Зандер, – чтобы лучше представлять себе год, когда я родился. Она в тот год была бестселлером. И в последующие годы – тоже. Садись же ты, наконец!

Я так и сделал, а когда стемнело и стало прохладно, мы с ним перебрались в пивную, из которой вышли лишь около полуночи.

Когда четыре года спустя произошел путч, Зандера очень скоро уволили из библиотеки. Он устроился в маленькое издательство на западной границе города, а потом, когда режим прекратил свое существование – был свергнут? развалился сам по себе? – и Зандера собирались вернуть в университет, он отказался и продолжал работать на прежнем месте, пока год назад его не попросили создать на территории руин центральную библиотеку. Две недели назад Зандер наконец разыскал меня и спросил, не соглашусь ли я ему помочь; и хотя на старом Западе я себя чувствовал вполне вольготно, я обещал, что, по крайней мере, навещу его, а потом обдумаю сделанное им

---

2 Хорхе Бургосский – персонаж романа Умберто Эко «Имя розы» (1980), образ которого представляет собой пародию на Хорхе Луиса Борхеса. Имя же автора романа (у Шимманга) переключается с именем другого персонажа «Имени розы» – Адсона Мелькского, будто бы и написавшего в старости этот роман.

предложение.

Теперь ни о каком *обдумывании* речь уже не шла.

– О твоих обязанностях мы поговорим завтра, – сказал он, – сперва надо распаковать книги!

Книги, которые мы теперь постепенно доставали из двенадцати в общей сложности больших картонных коробок, были добычей, доставшейся нам при распродаже одного книжного собрания. В возрасте восьмидесяти двух лет скончался некий ученый, профессор философии на пенсии, не оставив в завещании распоряжений относительно своей библиотеки. Его дети и внуки (жена умерла лет пятнадцать назад), наверное, выбрали для себя по несколько книжек, а остальное сочли неинтересным, упаковали в сто двадцать четыре в общей сложности одинаковые по размерам картонные коробки – как уж у них получилось, то есть все вперемешку – и выставили на распродажу. У анархистов, которых послал Зандер, денег хватило только на двенадцать коробок. Участники аукциона, по условиям, не могли заранее ознакомиться с содержимым коробок: ставки делались вслепую, и каждый покупал *кота в мешке*. Эту добычу нам, значит, и предстояло оценить – поштучно.

Вздумай я здесь поштучно ее перечислить, это заняло бы страниц сто или больше. Об очень многих книгах я никогда прежде не слышал, но некоторые – те, что при распаковке произвели на меня наибольшее впечатление, – я все же назову.

Первым, что меня поразило, было *Введение в науку о регистрации, сиречь О Registratoribus, с пояснением некоторых содержащихся там мест, составленное Филиппом Вильгельмом Людвигом Фладтом, советником Церковного и Высшего апелляционного суда курфюршества Пфальц, члена Баварской-Пфальцской Академии наук, изданное во Франкфурте и Лейпциге, Эслингерским книготорговым домом, в 1765 году*. Это, так сказать, сокращенное название, полное заняло бы слишком много места. Впрочем, мы-то имели дело с факсимильным воспроизведением издания 1765 года, вышедшим в 1975-м, в Пуллахе. Наш экземпляр сохранился первоклассно, его вряд ли вообще кто-нибудь открывал. Ученого, очевидно, эта книга совсем не интересовала, и очень может быть, что он просто получил ее в подарок – от какого-нибудь коллеги, которого пригласил на ужин, а тот не захотел

являться с обычной в таких случаях бутылкой вина класса *гран-крю*³. Подаренная книга тоже была, в своем роде, *гран-крю*, потому ее и не открывали.

Во второй коробке, на самом дне, лежал английский криминальный роман в немецком переводе (карманное издание), зачитанный и потрепанный – в большей мере, чем любая другая книга из этой коробки. Назывался он «Блестонское убийство», а его автором был некий Дж. С. Гамильтон⁴. Перевод был опубликован в 1960-м, я быстро подсчитал: нашему – ныне покойному – профессору тогда как раз исполнилось двенадцать; и имя переводчика заставило меня усмехнуться, ибо звали его не иначе как Михаэль Рюпель⁵.

Украшением третьей коробки оказалась хорошо известная мне книга, бестселлер моих школьных лет, который я и сам читал с удовольствием: «Дом на Эльбе» Маргариты Мюленбек⁶, здесь – в роскошном подарочном издании с шитвом и закладкой-ленточкой. Райнер Хармс – мой товарищ из параллельного класса и, кроме меня, один из немногих в то время маниакальных любителей чтения – нашел тогда в интернете два интервью с писательницей, и эти видео мы с ним смотрели снова и снова. Мы совершенно точно влюбились в нее. Нам тогда было по пятнадцать.

В двух следующих коробках были упакованы обычные (не подарочные) издания, со встречающимися кое-где бледными карандашными подчеркиваниями. Мы там обнаружили трех французов: Марселя Бергота, Эдмона Тэста и Антуана Рокантена, а также одного итальянца, Дзено Козини⁷. Я ни о ком из них никогда не слышал – в отличие от Зандера, конечно. Это были не «академические» собрания сочинений, и даже не обычные собрания сочинений, а просто «избранное», публиковавшееся в связи с какой-нибудь круглой датой – годовщиной рождения или смерти автора.

3 *Гран-крю* – высшая категория элитных французских вин.

4 Криминальный роман с таким названием, написанный Дж.С. Гамильтоном, играет ключевую роль в постмодернистском романе-лабиринте Мишеля Бютора «Времяпрепровождение» (1956).

5 Рюпель (Rüpel) по-немецки означает «грубиян, олух», но фонетически перекликается и с фамилией (Ревель) главного героя и фиктивного автора «Времяпрепровождения», написанного Мишелем (по-немецки Михаэлем) Бютором.

6 Имеется в виду, видимо, роман «Фрау Мюленбек в своей скорлупе» (1980) немецкой писательницы Бригитты Кронауэр (р. 1940), героиня которого живет на Эльбе и постоянно рассказывает о своей жизни. Может подразумеваться также «Дом на Эльбе» Рут Борхерт – роман для подростков, опубликованный в 1965 г.

7 Бергот – писатель, персонаж эпопеи Марселя Пруста «В поисках утраченного времени». Эдмон Тэст – персонаж рассказа Поля Валери (1871-1945) «Вечер с господином Тэстом». Антуан Рокантен – персонаж, от чьего имени ведется повествование в романе Ж.-П. Сартра «Тошнота» (1938). Дзено Козини – персонаж романа Итало Звево (1861-1928) «Самопознание Дзено Козини».

Шестая коробочка, в отличие от двух предыдущих, содержала полную мешанину, и здесь нам обоим больше всего понравился маленький том Карла Фюррера «Барт, Фуко, Тойота: после структурализма», изданный в 1988 году Научным книжным обществом в Дармштадте⁸.

В седьмую коробочку наследники, очевидно, поместили часть португальского отдела библиотеки, поскольку там мы нашли – конечно, в немецком переводе – произведения Альберто Каэйро, Рикардо Рейса, Алваро де Кампоса и Бернардо Соареса⁹.

Восьмая коробочка содержала настоящие сокровища. Среди прочего мы обнаружили там «Всеобщую историю лабиринтов» Сайлеса Хейзлема и (в очень редком старом издании) «Приятные и достойные прочтения сведения о стране Укбар в Малой Азии» Иоганна Валентина Андрее; также «Тайного спасителя» Нильса Рунеберга – немецкий перевод, выполненный Эмилом Шерингом, книги «Kristus och Judas», 1912 года; фрагмент романа Герберта Куэйна «April March»; и, наконец, – сонеты Пьера Менара, обращенные к баронессе Бакур, 1934 года¹⁰.

В девятой коробке все книги были в запаянных целлофановых обертках, но сверху усердные наследники положили карманное издание романа, который я еще прекрасно помню со времен бессонных читательских ночей в школьные годы. Покойный ныне профессор тоже, видно, читал этот роман с

---

8 Научным книжным обществом в Дармштадте в 1988 г. была издана книга Йорна Альбрехта «Европейский структурализм. Историко-исследовательский обзор». Книга Йоханнеса Ангермюллера «После структурализма: теоретический дискурс и интеллектуальное поле во Франции» была издана в Билефельде в 2007-м. Критику структурализма (в том числе теорий Ролана Барта и Мишеля Фуко) в соединении с критикой консумизма (воплощенного, например, в лозунгах компании «Тойота», можно найти в статье американского философа, анархо-примитивиста Джона Зерзана (р. 1943) «Катастрофа постмодернизма» (в интернете).

9 Альберто Каэйро, Рикардо Рейс, Алваро де Кампос, Бернардо Соарес – четыре литературные маски португальского поэта, прозаика и драматурга Фернандо Песоа (1888-1935), подписывавшего свои произведения именами этих вымышленных персонажей.

10 «Всеобщая история лабиринтов» Сайлеса Хейзлема и «Приятные и достойные прочтения сведения о стране Укбар в Малой Азии» Иоганна Валентина Андрее упоминаются в рассказе Хорхе Луиса Борхеса «Тлён, Укбар, Орбис Терциус». В рассказе Борхеса «Три версии предательства Иуды» упоминаются две книги Нильса Рунеберга – «Kristus och Judas» (Христос и Иуда») и «Тайные спасители», – а также переводчик второй книги, Эмиль Шеринг. О романе Геоберта Куэйна «April March» («Апрель март») идет речь в рассказе Борхеса «Анализ творчества Герберта Куэйна». «Цикл превосходных сонетов, обращенных к баронессе Бакур (1934)» упоминается в рассказе Борхеса «Пьер Менар, автор „Дон Кихота“». Все перечисленные рассказы были опубликованы в сборнике «Вымышленные истории» (1944).

удовольствием (и, возможно, не один раз), ибо книжечка была такой же потрепанной, как криминальный роман из второй коробки, и к тому же покрытой – на слишком узких, к сожалению, полях – бесчисленными карандашными пометками, выполненными микроскопическим шрифтом, как записи Роберта Вальзера¹¹. Это был Йоганн Андерматт, его великолепная книга «Дети, дети...» – грандиозный детоненавистнический гротеск или гротескная детоненавистническая грандиозность¹². Я вспомнил, что, когда читал ее, чувствовал, как крепнет во мне, шестнадцатилетнем, решимость никогда не производить на свет детей – впрочем, до сих пор мне еще ни разу не представилась такая возможность.

В десятой коробке мы нашли (и, конечно, тотчас обменялись нежными, почти влюбленными улыбками из разряда «А помнишь?»)... Итак, в десятой коробке мы нашли книгу, благодаря которой когда-то познакомились: «Смерть Хорхе Бургосского» Адама Мелька, в так называемом «успешном издании». А сверх того – библиофильское издание маленького эссе Франца Одрадека «Кафка как член семейства»¹³ (факсимильное воспроизведение первого издания 1928 года, вышедшее в издательстве *Bittner & Klein* в 1993-м).

В одиннадцатой коробке обнаружили три или четыре книги по кулинарии (похоже, у наследников их и без того хватало) и много философской литературы: первичной, вторичной и третичной. Кое-что я знал, поскольку, как-никак, четыре семестра изучал философию, но многое – нет. Когда мы разложили книги по стопкам, я уже собирался открыть двенадцатую коробку, как вдруг Зандер высоко поднял одну из книг и сказал: «А вот наконец и он».

– Какой еще он?

– Сам завещатель, – сказал Зандер.

Речь шла о классическом зуркампофском карманном издании (2008 года): золотой шрифт на черном фоне, сто шестьдесят с чем-то страниц под заголовком «Ирония. Сумма философии»¹⁴. Автор – некий Ульрих Гёрген, в то

---

11 Швейцарский писатель Роберт Вальзер (1878-1956), после того, как в 1929 г. его поместили в психиатрическую клинику, продолжал писать особым микроскопическим письмом (микрограммами), и расшифровать эти записи удалось лишь через несколько десятилетий после его смерти.

12 Имеется в виду, вероятно, комедия Фридриха Дюрренматта «Ромул Великий» (1948).

13 Одрадек – таинственное существо из рассказа Франца Кафки «Забота главы семейства» (1917).

14 Скорее всего, имеется в виду книга «Случайность, ирония и солидарность» (1989)

время еще представленный как ординарный профессор философии Университета имени Гёте во Франкфурте-на-Майне; и в книгу вложена карточка с рукописной надписью: «Дорогой господин Гёрген, вот наконец сигнальный экземпляр карманного издания. Ваш Раймунд Феллингер»¹⁵.

С последней коробкой анархисты, на первый взгляд, просчитались: в ней, казалось, не было ничего, кроме стопки старых журналов. Однако под ними мы все же нашли три любопытные вещицы. Во-первых: брошюру, содержащую эссе Вальтера Беньямина «Я распаковываю свою библиотеку» с послесловием Лукаса Домника, напечатанную в 2012-м (издательство Ульриха Кайхера, Вармбронн¹⁶). Во-вторых, потрепанный путеводитель по Бад-Мюнстерайфелю¹⁷ и окрестностям, тридцатилетней примерно давности. Наконец, на самом дне лежал 800-страничный кирпич, относящийся к жанру политических триллеров, под названием «Заговор Сони». Это было шестнадцатое переиздание книги, впервые опубликованной в карманном формате в 2005 году. Первое же издание, в твердом переплете, вышло в 1999-м. Автор – некий Грегор Корф¹⁸.

– Вот эту книжку, пока мы не внесли ее в каталог, я бы хотел взять на время домой, чтобы скрасить свои одинокие вечера, – сказал я Зандеру.

– Никаких проблем, – ответил он. – Она в любом случае не станет жемчужиной нашей библиотеки.

2

К весне 2016-го, когда разразился путч, я окончательно заблудился в своих университетских штудиях и не представлял себе, как найти выход из этого лабиринта. Главная проблема заключалась в том, что я начинал интересоваться практически всем, что попадалось мне по пути, и потому не мог следовать прямым путем, что требуется для целенаправленной научной

американского философа Ричарда Рорти (1931-2007), напечатанная в карманной серии издательства «Зуркамп» (с золотыми буквами на черном фоне обложки), но не в 2008, а в 1989 году.

15 Раймунд Феллингер (р. 1951) – с 1979 года редактор издательства «Зуркамп», с 2006-го – главный редактор.

16 Издательство, существующее с 1983 г.; выпускает современную интеллектуальную литературу и книги по искусству, в библиофильских изданиях.

17 Город на юге земли Северный Рейн – Вестфалия.

18 Грегор Корф – главный персонаж и рассказчик в романе Йохена Шимманга «Лучшее, что мы имели» (2009), где идет речь о ценностях западногерманского общества, утраченных после объединения Германии.

карьеры, а постоянно куда-нибудь сворачивал. Философы, прежде всего, снова и снова заманивали меня на кружные тропы, уводящие далеко в сторону даже от собственной их дисциплины: я неожиданно для себя попадал к этнологам, лингвистам, социологам, специалистам по коммуникации, культурологам, киноведам и психоаналитикам, к искусствоведам, семиотикам и историкам медицины – и каждый раз с трудом находил дорогу назад. С друзьями, с женщинами дело обстояло так же: каждый раз – новое ответвление, еще одна кружная тропа. На протяжении четырех лет учебы в университете Зандер оставался единственной константой в моей жизни; но потом, когда его уволили и он затаился в своем маленьком издательстве, наши с ним контакты постепенно сошли на нет.

Среди прочего и потому, что я, покинув столицу, вернулся на старый Запад. Столица и так в предшествующие десятилетия стала – в архитектурном плане – чрезмерно парадной и чванной, что мне не нравилось. Новые же правители не удовлетворялись уже сложившимся обликом правительственных зданий вокруг рейхстага, но снесли там всё под чистую, расширили освободившуюся территорию, разрушив примыкающие кварталы, и потом начали застраивать центр наново, в смешанном стиле, представляющем собой что-то среднее между итальянским футуризмом и *новой деловитостью*. Сказанное относится не только к правительственному кварталу, но и ко многим общественным зданиям, причем высокие темпы работ (объяснявшиеся, среди прочего, такими факторами, как новые технические возможности и энтузиазм выигравших конкурс звезд мировой архитектуры) заставили весь мир следить за этой стройкой, затаив дыхание: новый правительственный центр был полностью завершен и готов к эксплуатации уже через десять месяцев; примерно тогда же и я поехал обратно на старый Запад. Новый режим, так сказать, наступал мне на пятки – в архитектурном смысле. Борцом сопротивления я никогда не был, но в тот момент мне, по крайней мере, захотелось убраться из столицы как можно дальше.

Два месяца я прожил у мамы, во Франкфурте, потом нашел себе место в аахенской торговой фирме *Дельхайе & Мюнценберг*. Устроиться туда мне помог один мамин знакомый, и вот в двадцать два года я начал классическим способом осваивать профессию коммерсанта, оставив все гуманитарные заморочки позади. Фирма *Дельхайе & Мюнценберг* занималась оптовой и розничной торговлей изделиями вкусовой промышленности, а размещалась

она на самом краю городского центра Аахена и существовала уже более двух столетий. Ни одного Дельхайе в фирме давно не было, зато семейство Мюнценберг все еще оставалось собственником предприятия, которое развивалось вполне успешно, с учетом новейших достижений; но как только я, в первое утро, переступил порог магазина, на меня изо всех углов повеяло традицией семейного дела.

Мюнценберги импортировали, рассылали и продавали кофе, чай, какао, сигареты, вина, спиртные напитки, шоколад, пряности, конфитюры и мед – само собой, всё только наивысшего качества. Торговое помещение, значительно расширенное, все еще сохраняло первоначальный стиль: прилавки и полки из массивного темного дерева; а когда ты заходил в бюро, то невольно испытывал искушение назвать его «конторой», хотя это слово уже тогда почти совсем исчезло из немецкого языка. Даже на складе, где все делалось в соответствии с новейшими методами логистики, чувствовалось дыхание добрых старых времен.

Довольно беспомощным попыткам режима ввести новые символы или же вернуть оставшуюся в прошлом символику Мюнценберги – с самого начала – никак не содействовали. Поэтому здесь нельзя было увидеть стилизованную двойную молнию, которая будто бы символизировала силу, решимость, современность новых хозяев страны (возможно, также их волю к уничтожению) – и, само собой, красовалась на каждом общественном здании, на каждой военной форме, на каждом почтовом бланке, не говоря уже о ее распространенности в повседневной моде. В помещениях фирмы не висела даже обязательная фотография генерала; и вообще здесь, на западной окраине страны, режиму было труднее укрепиться, чем в центральных и восточных областях. Старый Мюнценберг, который к моменту моего поступления в фирму был еще жив, однажды сказал: «Если нам здесь будут вставлять палки в колеса, мы очень скоро сменим место жительства. До бельгийской границы двадцать минут езды, а там нам наверняка будут рады, ведь в деликатесах бельгийцы кое-что понимают. Но в Аахене в таком случае традиция нашего семейного дела прервется». Однако палки в колеса никто не вставлял, потому что многие новоявленные функционеры теперь пополнили ряды самых верных клиентов Мюнценбергов.

На этой богатой традициями фирме я в период своего ученичества, который длился два с половиной года, прошел через все подразделения: начиная от склада, бухгалтерии, отдела заказов, рассылки, кончая отделом

продаж и, наконец, закупочным отделом. В последний меня потом и определили: я стал часто ездить в Бельгию, Францию и Италию, в Брюссель и Монтелимар¹⁹, в Пьемонт и Эмилию Романью. Конечно, мне приходилось совершать поездки и в пределах самой Германии, поэтому можно сказать, что годы диктатуры я «перезимовал», находясь как во внутренней, так и в периодической внешней эмиграции.

Сразу после краха режима я активно включился в деятельность черного рынка, продолжая одновременно работать на фирме. Связи, которые я приобрел на этой работе, в новых условиях стали для меня основой успеха. Я убежден: один из моих младших шефов, Антон Мюнценберг – внук старшего Мюнценберга, умершего в 2018-м, – прекрасно знал, что, помимо дел фирмы, я занимаюсь и собственными делами. Но об этом он со мной не заговаривал. Антон на четыре года младше меня, и мы с ним с самого начала отлично друг друга понимали. Он имел возлюбленную в Льеже, существование которой скрывал от родных, поскольку, по их понятиям, речь шла о мезальянсе, – и, чтобы навестить ее, часто сопровождал меня в моих бельгийских поездках. Я не проболтался; и, думаю, он меня за это отблагодарил, храня столь же непробиваемое молчание о моих побочных делах.

На черном рынке я торговал в основном кофе и табачными изделиями – и в первые два года зарабатывал хорошие деньги. Но Переходное правительство как раз здесь, на западе, взяло под контроль ситуацию со снабжением быстрее, чем мы ожидали, – и тогда мои доходы резко пошли на убыль. Кое-что заработать я еще мог, однако разбогатеть в этом секторе экономики было уже невозможно. Кроме того, я боялся, что на фирме меня разоблачат, а такого позора я бы, наверное, не пережил. Мюнценберги всегда относились ко мне почти как к члену семьи. У меня же семьи (в традиционном смысле) не было. Я единственный ребенок у мамы, а отца я никогда не знал. Мама тоже, собственно, не знала его. «Твой отец был здесь только проездом, Ульрих, – рассказала она, – о чем и сообщил мне в нашу единственную ночь. Я даже не знаю его фамилию».

Итак, я распрощался с черным рынком и еще неполных три года работал как серьезный коммерсант в фирме *Дельхайе & Мюнценберг*. Потом мне позвонил Зандер. Я сразу понял, кто на другом конце провода, и мы с ним поговорили так, будто виделись только позавчера. Я не стал сразу соглашаться: у меня не было причин покинуть старый Запад. Я жил в очень

---

¹⁹ Город на юго-востоке Франции, в департаменте Дром региона Рона-Альпы.

красивой квартире, прямо возле рынка. Дом принадлежал Мюнценбергам, и моя арендная плата была чисто символической. Я находился рядом с границей: Западная Европа – в пределах видимости. Помимо Антона Мюнценберга, у меня были и другие друзья, не говоря уже о любовных романах. Я имел на фирме надежное место работы, и работа доставляла мне радость. Я любил экзотические ароматы и сумеречный свет в старых помещениях.

«Хоть приезжай посмотри на все это, – сказал Зандер по телефону. – Такого великолепного руинного ландшафта, как здесь, ты еще никогда не видел».